

Время тянулось, а голоса старика я пока не слышал. Наша группа была уже готова и ждала в соседнем чуме, чтобы не мёрзнуть на тридцатиградусном морозе. Один из ребят всё время стоял у входа, наблюдая за мной. Женщины тихонько плакали, но тело старика решено было пока не трогать.

Я продолжал сидеть на нартах согревая себя внутренним огнём, да и искорки из браслетов не давали мне почувствовать стужу. Было тихо и поэтому мороз, как-бы и не ощущался, но это было обманчивое состояние. Так замёрзнуть можно очень быстро.

В голове крутились слова старика о матери Абаасы. Сможет ли он её удерживать до тех пор, пока я не разделаюсь с её сыночком? И какой он из себя? Из чего состоит? Чем его можно быстро уделать? Поможет ли против него современное оружие? Хотя, по опыту могу сказать, что против таких вещей наши автоматы и пулемёты не очень эффективны. Будем надеяться, что на этот раз нам повезёт.

Из чума вышел Виктор.

- Как думаешь, какие патроны лучше использовать? Есть у нас с серебряными пулями, есть с зажигательными, есть и бронебойные.

Похоже мы с ним об одном и том же думаем.

- Вы разные автоматы зарядите разными патронами, какие дадут лучший результат, на те и поменяете.

- Отличная мысль! - И он скрылся в чуме.

«Ну что, уважаемый Хаамсына, куда мне идти?» - мысленно спросил я.

«Не время ещё, жди! Молчи!» - раздалось в голове.

Твою дивизию...

Может он там в засаде, а я его демаскирую! Ладно, подождём.

По снегу потянуло позёмку. Ветер стал крепчать.

Ну вот, нам только метели не хватало.

«Вставай, иди против ветра.» - услышал я голос шамана.

Идти против ветра - это ещё то удовольствие. Прикрыв глаза рукой, наклонившись вперёд, я шёл навстречу летящему в лицо снегу. Не знаю, как ребята такое выдержат? Может зря я их за собой потянул, помёрзнут ещё. Да и видимость снизилась, снегом стало всё заметать. Думаю, они и с пятидесяти метров меня не увидят, а подходить им ближе не надо бы. Кто его знает, что там за сынок будет.

Мне казалось, что я хожу по кругу. Время от времени чудилось, что рядом кто-то дышит и чем-то глухо стучит. Может это шаман в свой бубен тихо колотит. Постепенно стуки стали убыстряться, пока не слились в быстрое тарыхтение. Снег завертелся вокруг меня, казалось, что я стою в снежном колодце, верха которого не видно.

«Стой! Оглянись!»

Это прозвучало громко и очень неожиданно.

Я крутнулся и застыл, открыв от изумления рот.

Вокруг меня были олени. Они шли по кругу, друг за другом, уткнув морды в зады впереди идущих собратьев. Было их много, очень много. Может пятьсот, может тысяча. Считать, всё время движущихся животных было невозможно, да и зачем? Тем более что их становилось всё меньше и меньше.

Из снежной кутерьмы появлялась здоровая рука и быстро схватив ближайшее животное выдёргивала его из стада.

«Ах ты ж, оленекрад-переросток!» Я недолго думая протянул руку и, как только показалась лапища, потянувшаяся за очередным оленем, ухватил её и дёрнул на себя.

Визг, рёв, клёкот, даже не знаю, как назвать эти звуки, и в добавок ко всему этому свист резко увеличившегося ветра и снег ударивший в лицо. Лапища сделала попытку вырваться и меня потащило на оленей.

- Куда?! Так рас так, твою, долбанную мамашу! – И ухватив врага второй рукой, я повернулся и попытался сделать элементарный бросок через плечо. И это мне удалось.

Олени шарахнулись врассыпную, а из-за моей спины, вверх ногами, вылетело громадное чудюдо. Оно с грохотом рухнуло на утопанный оленями снег и тут же, взревев, вскочило на ноги.

На меня уставились красные, налитые яростью глаза, в раскрытой пасти обнажились здоровенные кривые клыки, и опять раздался рёв.

Что это был «ОН» я сразу определил. Думаю, что с танцами у него ничего бы не получилось. Да и шаман говорил, что это сын – то есть мальчик. Правда в мальчике было метра три роста, и это он ещё стоял согнувшись. Здоровые, длинные руки оканчивались большими, широкими ладонями с толстыми когтистыми пальцами. Покрыт этот «мальчик» был то ли чешуёй, то ли свалявшейся шерстью.

Пока я, раскрыв рот, как посетитель зоопарка, пялился на этого «красавца», он не стал медлить, и молниеносно саданул меня здоровым кулачищем по голове.

«Александр свет-Николаевич, ты что варежку раскрыл, так и ласты склеить можно!» - Я дёрнулся, но вдруг обнаружил, что ноги мои почти по колено в снегу. - «Ничего себе! А ну-ка...»

Второй удар чудовища попал в яму, оставленную моими ногами, но меня в ней уже не было.

«Быстрый, говоришь, а если мы вот так...», - и я, метнувшись за спину чудюдищу, со-всего маху врезал ему по заду. Нога моя загудела, а сынок, споткнувшись ткнулся носом в снег. Но он мгновенно вскочил, и с разворота полоснул по мне когтями. Я отлетел, но не хуже чудюдища тут же вскочил, и сбросил рванную в клочья одежду. Ярость полыхнула в груди и теперь уже я, рыкнув по-звериному, представил, как мой кулак крошит челюсть твари. Бурая кровь хлынула из разбитой пасти чудюдища, он завизжал и кинулся на меня.

И вдруг в голове у меня раздался голос шамана, - «Быстрее!»

«Твою дивизию, совсем забыл!»

И дальше всё было быстро, Мой второй удар откинул чудище на снег и меч, появившийся в руке, снёс окровавленную, и уже беззубую башку.

Раздался треск и рядом с нами появился вертикальный росчерк молнии. Молния начала рваться и распахнулась, как будто кто-то расстегнул застёжку на куртке. Из черноты разрыва показалось страшное лицо с выпученными глазами.

- Ыыыааа - раздался рёв мамыши Абаасы, рот её был широко раскрыт и в него стало затягивать обезглавленное тело сына, да и меня заодно потянуло, но раньше туда влетела граната из РПГ и огненно-броневой пули из четырёх автоматов.

- Ых-ых-ых, закашлялось чудовище, разбрызгивая кровавые ошметки разорванных синих губ.

Второй выстрел из гранатомёта попал ей в левый глаз, напрочь выбив его.

- Ххыыы, - заорала мамыша и отшатнулась от разрыва.

В тот же момент, раздалась барабанная дробь шаманского бубна и разрыв пространства захлопнулся.

Я стоял босой и по пояс голый, с окровавленным мечом в руке. Моя обувь осталась в снегу, куда меня вколотил сынок. Шея болела, на груди хоть и не осталось следов от когтей, но я машинально провёл по ней ладонью. Из не пострадавших вещей на мне остались только штаны. Так и вижу себя гладиатором, стоящим на снежной арене над поверженным врагом. Похоже удар по голове был всё-таки сильным. И это ещё мои амулеты и обереги прикрыли меня в последний момент, а то, наверное, по самую макушку забил бы меня в снег Абаасы.

Я подошёл ближе к телу чудовища и убрав меч, выпустил из браслетов искры. - Подчистить здесь всё.

На этот раз они не стали постепенно выжигать последствия схватки, а одним сильным ударом спалили и сына, и куски плоти и крови мамыши, запятнавшие всё вокруг. Снег оплавился и тут же стал замерзать.

Сзади раздался топот ног. Подбежали парни, с дымящимися автоматами.

- Ели успели к тебе, Александр, - тяжело дыша проговорил Виктор. - Хорошо хоть метель прекратилась.

Ветер действительно стих и только крупные снежинки почти отвесно падали на землю.

- Твою, тундру! Да ты почти голый! - И Виктор накинул мне на плечи свою куртку. Ребята якуты сняли - один левый унт, второй правый и быстро надели их на меня. Тёзка Александр накинул мне на голову свой малахай. Под которым у него оказался ещё подшлемник. А Тимофей поддерживал меня, пока все делились своими вещами. Ноги у меня слегка дрожали и во всём теле чувствовалась усталость.

- Вина нет? - Машинально спросил я.

- Нет, - ответил Виктор, - у нас сухой закон.

- И это правильно! - сказал я и попытался сесть на снег, но ребята подхватили меня под руки и потащили в сторону видневшихся вдалеке чумов.

Оказывается, я не так уж далеко отошёл от стойбища. Скорее всего меня и в самом деле водили кругами. Видимо этот вихрь, что крутился вокруг оленьего стада был уловкой Абаасы, чтобы закрутить животных и не дать им разбежаться, когда он станет их выхватывать из стада.

Как мы оказались в чуме, я не помню, похоже попав в тепло я просто отключился и уснул. Всё-таки эти перелёты утомили даже мой неутомимый организм. Сколько я проспал не знаю, и проснувшись обнаружил, что лежу укутанный оленьими шкурами абсолютно голый! Одна из женщин, что-то кипящая в чайнике, заметив, что я открыл глаза заулыбалась и протянула мне кружку с чем-то приятно пахнущим. Чтобы попить, мне пришлось приподняться, придерживая одной рукой шкуры, потому что не нудист я ни капли, и возлежать здесь в позе Аполлона совсем не собирался. Вторая женщина выбралась наружу, видимо объявить всем, что «великий богатырь» проснулся.

Через минуту появились Виктор и Николай.

Оленевод довольно улыбаясь обратился к начальнику якутского филиала:

- Я говорил, что растирание оленем жиром ему только на пользу будет! А когда две женщины растирают, пользы в два раза больше!

Челюсть моя скатилась под шкуры.

- Меня что, эти женщины растирали? - С трудом сглотнув, спросил я.

- Ага, - довольно ответил наш внештатный сотрудник. - Не бойся, ты не первый, кого они растирали. Они хорошо это умеют делать. В тундре всегда замёрзших растирают. Правда, чтобы быстро согреть, ещё и женщина должна рядом лечь, но Виктор почему-то не разрешил этого делать.

Я посмотрел на прячущего улыбку Самойлова. - Ну и на этом спасибо.

- Не переживай, всё нормально. Никаких лишних разговоров не будет. Да и дело это в тундре обычное, так что никого здесь этим не шокируешь. - Попытался успокоить меня начальник филиала.

- А в Москве?

- А там про это никто не узнает.

- Очень на это надеюсь, - серьёзно сказал я. - Одежду давайте.

Когда я оделся, Николай протянул мне два здоровых, кривых, желтоватых, обломка клыков. - Это от Абаасы осталось. - Передавая их мне проговорил оленевод, - плохая штука. Забирай себе.

Хм... Надо же, оказывается, мои искорки не всё спалили. Наверное, после моего «хука», эти зубы отлетели куда-то в снег. Ладно, подарю их Валере Смагину, у него в кунсткамере они займут подобающее им место.

Вертолёт за нами должен был прилететь через несколько часов, а пока мы сидели в чуме и травили байки, больше похожие на сказки. Хотя то, что случилось здесь совсем недавно, не многим отличалось от небылиц.

Виктор успел созвониться с Горбунковым и мы доложили ему обо всём, что здесь произошло. Тело шамана скорее всего куда-то отвезут и похоронят по здешним обычаям. Крепкий был старик и его поступок вполне достоин был попасть в мифы и легенды народа, чтобы сохранилась память о храбром Хаамсыме, победившем страшную мать Абаасы.

Перед женщинами Николая я в долгу не остался. Одной подлечил зубы, а другой выправил поломанный палец на руке.

По-моему, Николай был согласен чтобы они опять меня растёрли, только теперь по всем правилам, но я с благодарностью отказался. Самого Николая, я тоже отблагодарил по-своему, и он стал бегать, как и его олени.

- Ай, Александр, как здорово! – радовался он, - я, как совсем молодой стал! Теперь ещё два сына делать можно!

Всю обратную дорогу, мои коллеги проспали, а я, выспавшись в чуме все думал, куда мне дальше направится. В Якутске задержусь ещё на пару дней, познакомлюсь с коллективом, с теми людьми, кто окажется на месте. А потом, наверное, в Иркутск двину. Очень хочется на Байкал посмотреть. Да и вообще, поторапливаться надо, а то мне и к Новому году домой не успеть.

Я конечно могу на праздники вернуться и провести несколько дней с Никой, однако, боюсь потом будет сложно опять уехать. По зеленоглазке я скучал, но вырваться к ней хотя бы на день не получалось. Наверное, по приезду в Иркутск, устроюсь где-нибудь в гостинице, и на выходные рвану домой. А с понедельника объявлюсь в иркутском филиале. Хорошо бы ещё и Колючего на денёк забрать, по нему тоже все соскучились. Попробую Горбункова уговорить, чтобы он разрешил мне устроить небольшой отдых.

Два дня в Якутске пролетели незаметно. За это время я переговорил со многими сотрудниками филиала. Что интересно, среди них было довольно много коренных якутов. И это, наверное, правильно. Они и местную нечисть лучше знали и более спокойно относились ко всякого рода аномальным проявлениям.

На данный момент четыре группы наших сотрудников находились на выезде. Две группы уже возвращались, одна работала на месте вызова, а последняя только ещё пыталась добраться к месту, где её ждали.

Территория Якутии, как я уже говорил, огромная, и такого, чтобы весь коллектив собрался вместе, никто не помнил. Всегда кто-то, где-то работал. Добираться до места приходилось: самолётами, вертолётами, машинами, вездеходами и конечно же на оленях.

И хотя я почти ничего здесь не видел, кроме маленького стойбища и стада оленей, но, почему-то Якутия мне понравилась. Может быть, как раз своей необъятной территорией. И люди здесь были душевные и можно сказать деликатные.

Билет до Иркутска Виктор мне обеспечил без проблем. Он же и проводил меня. На прощанье мы пожали друг другу руки, и я отправился в город на берегах великой Ангары.

Погода в Иркутске, после морозного Якутска, показалась мне тёплой, хотя снег и лежал на улицах города. Встретил меня заместитель начальника филиала, Иван Петрович Соловьёв, сам начальник Олег Олегович Ольхов, лежал в больнице с воспалением лёгких.

- А что у вас нет хороших целителей, чтобы поставить начальника на ноги? - Спросил я зама.
- Есть, хорошая специалистка, Наталья, но она сейчас в отпуске, с мужем в Турции отдыхают. А Олега только вчера в больницу положили.
- Ясно, ну что же тогда давайте прямо к нему в больницу и проедем. Возможно мне удастся ему помочь.
- А вы специалист в этой области? - Спросил Иван Петрович, усаживаясь рядом со мной на заднее сидение широкого внедорожника.
- Да, немного могу, - не стал хвастаться я.
- Дима, - обратился заместитель к водителю, - давай в горбольницу, Олега Олеговича навестим.

Молодой парень молча кивнул головой, и Тойота резко взяла с места.

Попасть к больному оказалось не так просто, и мне пришлось немного «поработать» с врачом, прежде чем он, улыбаясь, предложил нам пройти в палату.

- Конечно-конечно, пойдёмте, я вас провожу. - Врач просто уговаривал нас взглянуть на пациента.

Соловьёв удивлённо переводил взгляд с врача на меня и обратно.

Всю дорогу до двери палаты, медик не переставая успокаивал нас, - Ничего страшного с Олегом Олеговичем не произошло, полежит немного, поколем ему лекарства, и выпишем здоровее чем был.

Я с восхищением смотрел на врача и кивая головой поддакивал, - Конечно-конечно, никто и не сомневается, что вы поставите его на ноги. Просто он так ждал моего приезда, что как только меня увидит, так сразу и почувствует себя гораздо лучше. Какая, кстати, у него температура.

- Температура пока высокая, но мы быстренько её собьём - это вообще не проблема. Проходите. - Врач распахнул дверь палаты. - Олег Олегович, к вам посетители. - Всё ещё улыбаясь проговорил он, подходя к кровати.

А начальник филиала выглядел не лучшим образом. Он тяжело дышал и смотрел на нас воспалёнными глазами.

- Разрешите, - подвинул я не переставшего что-то говорить медика, и подошёл к больному. - Здравствуйтесь, Олег Олегович, как себя чувствуете?

- А, Александр Николаевич, - узнал меня Ольхов, хотя я его не помнил. - Вот видите, свалился в неподходящий момент.

- Ничего страшного, мы вас сейчас подлечим, - успокоил я его и взял за руку.

- Молодой человек, - обернулся я к доктору, хотя был он уже не совсем молодой, а скорее в полном расцвете лет, - Не могли бы вы попросить, чтобы нам принесли горячего чая.

- Это мы запросто. Горячий чай, это наше всё! - И врач выскочил из палаты.

«Надо было вина у него попросить», - подумал я, но взглянув на стоящего рядом зама, решил,

что правильно сделал, что не стал просить, а то ещё примут здесь за алкаша.

Прикрыв глаза, я постарался почувствовать состояние больного.

Начальник иркутского филиала был мужчиной в годах, а у пожилых воспаление лёгких всегда протекает тяжело, но я не позволю, болезни навести хоть какой-то ущерб организму этого ещё крепкого человека.

Искры из браслетов окутали мою руку и ладонь Ольхова. Он сначала лежал тихо, но по мере того, как болезнь стала отступать, Олег Олегович зашевелился и с изумлением уставился на меня. А я продолжал чистить его лёгкие. Постепенно они становились всё чище и даже возрастные изменения стали исчезать.

Когда в палату вошли: молодая сестра с подносом, на котором стояли стаканы с горячим чаем, и доктор, больной уже сидел на кровати.

- Олег Олегович, - тихо уговаривал я его, - вы ещё денёк полежите, чтобы уж так явно не показывать, что у вас всё хорошо. Пусть вам ещё разок снимок сделают, и потом уже можно говорить, что это была лёгкая простуда.

- Хорошо, Александр Николаевич. - Кивнул начальник филиала, - я ещё с главврачом переговорю, он мой старый друг, и думаю, проблем с выпиской не будет. Спасибо вам огромное. Иван, - обратился он к заму, - устрой гостя в нашем номере для приезжих. Пусть сегодня отдохнёт, а завтра я приеду и начнём работать.

- Господин Ольхов, - раздался удивлённый голос врача, - вам надо лежать! Сейчас сестра сделает вам укольчик, ложитесь и спите.

- Коллега, обратился я доктору, мне кажется, что поставленный диагноз не совсем корректен. - И повернувшись к мнимому больному, я подмигнул ему, и вновь обратился к доктору, - Олег Олегович просит пригласить к нему главврача, а мы пока с вами давайте пригубим замечательного чаю.

Врач растерянно посмотрел на сестру, - Наташенька, от моего имени попросите Леонида Владимировича, зайти сюда. Скажите, что с ним хочет поговорить Олег Олегович.

Сестра, изумлённо слушая наш разговор, поставила поднос на столик, и пятясь задом, вышла из палаты.

Чай был действительно хороший. В меру горячий и не сильно сладкий. Мы с врачом быстро его выпили, и я с Иваном Петровичем направился к выходу.

- Ну, вы теперь тут и сами управитесь, - взглянул я на порозовевшего «больного», - а мы поедем устраиваться.

- Да-да, Александр Николаевич, поезжайте. Спасибо вам ещё раз.

Мы с замом вышли из больницы и направились к машине.

- Да-а-а... - протянул Соловьёв, приходилось мне видеть врачей, но таких... - и он покачал головой.

Офис филиала располагался в двухэтажном здании из красного кирпича. Над входом висела

вывеска «Иркутский филиал московской компании «Главпромпрямздесьсбыт». И у меня впервые появилась мысль, - «А кто же это придумал такое несуразное название? Тут тебе и «Глав», и «пром», и «прям», и «здесь», да ещё и «сбыт»! Как такое вообще могло прийти в голову? Но сильно заморачиваться я не стал, а просто прошёл за Иваном Петровичем в здание.

Тут не было ковровых дорожек, но интерьер был вполне современный и красивый. Соловьёв провёл меня к номеру для гостей, где я бросил свою сумку, и потом мы с ним прошли по кабинетам здороваясь с сотрудниками. Замначальника всем рассказывал, что Ольхов, скорее всего завтра уже выйдет на работу, благодаря стараниям московского гостя.

Я скромно улыбался, и делал вид, что совсем тут ни при чём, одновременно с этим внимательно осматривая сотрудников, стараясь понять, что за люди здесь работают.

Первое впечатление о коллективе складывалось не плохое, и только один человек показался мне немного странным. Но так как мы нигде долго в кабинетах не задерживались, я решил, что позже постараюсь в нём разобраться. После этого «обхода» мы с Иваном Петровичем прошли в небольшой буфет, продукты в который поставляла местная жительница, и отведали домашней кухни. Всё было довольно вкусно, но всё-таки моя зеленоглазка готовила лучше. И это была объективная оценка, а не мелкий подхалимаж с моей стороны.

После этого сравнения, мне так захотелось оказаться дома, что как только я оказался в номере, тут же набрал Горбункова.

- Семён Семёнович, - мой голос звучал заунывно и жалостливо.

- Отпуск не получишь, - тут же отозвался начальник.

«И что ему дался этот отпуск?» - подумал я, но решил, что пару дней выбью, чего бы это не стоило. И выбил-таки, сказав, что привезу для Валерия Смагина новые экспонаты в кунсткамеру. Так что ближайшие выходные я проведу дома!